

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

В.В. Галиндабаева

Рецензия на книгу: Малахов В. Понаехали тут...: Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 200 с.

Сборник статей Владимира Малахова, объединяющий его работы за почти десятилетний период, вышел в 2007 г. В рецензии будут рассматриваться не все статьи, представленные в книге, а только те, которые наиболее концентрированно и полно отражают идеи автора по трем разделам: о национализме, о расизме и культурном плюрализме, или мультикультурализме.

В первой части, посвященной национализму и формированию национальной идентичности, центральной является статья «Проблема идентичности в постсоветском контексте». В данной статье В. Малахов ставит целью рассмотрение связи риторики идентичности, то есть определенного научного и политического *дискурса*, с определенной политической *практикой*. Сначала автор представляет историю развития понятия идентичности в социальных науках, философии и психологии, чтобы показать истоки формирования и употребления этого термина. Далее он переходит к обсуждению проблемы *гипотазирования* идентичности (принятие предмета мыслимого за предмет сам по себе) учеными в создании риторики или дискурса идентичности (с. 11–16). Автор во всех своих работах исходит из представления, что дискурс, или то, в каких категориях теоретически упорядочивается и организуется социальная реальность, определяет способ практических действий (с. 95).

В следующей части статьи В. Малахов обращается к исследованию правил формирования дискурса в постсоветский период. Здесь он акцентирует внимание на том, что после 1991 г. интеллигенция пошла во власть, когда возник спрос на новую идеологию. В качестве новой идеологии интеллигенция предложила *национализм*. Эта идеология была необходима для конструирования новой идентичности для преодоления легитимационного кризиса 1990-х гг. В данном случае легитимировать новые режимы могло только волеизъявление народа. Однако, провозгласив образование демократических республик, политическая элита столкнулась с тем, что нации в постсоветских республиках отсутствуют. Поэтому власть стремится создать их, а самый легкий способ — это опора на гомогенное этнокультурное общество. Политическое измерение национальной идентичности — самосознание граждан общества — вытесняется культурным, языковым, религиозным и т.д. И разнородное общество рассматривается как материал для выковыивания однородной массы квазиестественного сообщества — нации (с. 23).

Несмотря на то, что концепция автора изложена и аргументирована в статье логично и непротиворечиво, возникают следующие критические замечания. Рассматривая развитие понятия идентичности в философии и в социологии, В. Малахов обходит стороной тот факт, что и внутри выделяемых им дисциплин авторы концептуализировали этот термин по-разному. Интересен здесь и принцип подбора социологов, связанных с разработкой данной проблематики: Г. Мид, Ч. Кули, И. Гофман, Р. Мертон, Э. Эрикссон. Видимо, это обусловило формирование в тексте картины непротиворечивой традиции осмысления идентичности в социологии. Именно поэтому аргументы автора в пользу утверждения, что понятие «идентичность» по содержанию (как будто у него есть одно-единственное содержание) не отличается от понятий философии сознания «самосознание» и «самоопределение», не убедительны. По какому-то недоразумению в статье отсутствует ссылка на работу Р. Мертона, хотя автор отсылает к его понятию «референтной группы» на странице 11.

В. Малахов, критикуя эссенциализм за гипостазирование и реификацию, позиционирует себя как конструктивиста. Однако аргументы автора в доказательство конструктивистских тезисов часто могут быть поняты в эссенциалистском смысле: «Нация — это не просто фикция, необходимая в целях политической легитимации, но и обладающая определенной реальностью целостность. ... «Нация», таким образом, далеко не сводится к формальной основе суверенитета, но представляет собой содержательную совокупность лиц, соединенных определенными — историческими, языковыми, религиозными и культурными — связями» (с. 22).

Рассматривая историю реификации понятия идентичности в России, автор не разводит научный и политический дискурсы на том основании, что в советский период интеллигенция подстраивалась под запросы правящей номенклатуры, а сегодня она ринулась во власть и заняла влиятельные позиции. То, что политический заказ оказывал и до сих пор оказывает определенное влияние на научный дискурс, сомнения не вызывает. Однако утверждение о прямом влиянии научного дискурса на политический дискурс и политические практики после 1990-х гг. требует очевидных доказательств. Если в научном дискурсе понятия «идентичность», «нация», «этнос» используются в качестве аналитических концептов, то в политическом дискурсе, в политических и повседневных практиках эти понятия используются для объяснения окружающего мира. У каждого человека существует потребность жить в понятном и предсказуемом мире, поэтому процесс реификации аналитических конструктов в повседневной жизни часто оказывается неизбежным (Брубейкер, Купер 2002: 68–72).

В то же время, автор указывает, что в Советском Союзе система разделения власти базировалась на признании прав этнических групп, что, в свою очередь, требовало бюрократического закрепления этнической идентичности по происхождению. Вследствие этого этническая принадлежность стала мыслиться как биологическая данность. С этой точки зрения, национальная политика некоторых постсоветских государств, ориентированная на понимание нации как этноса, может рассматриваться как вполне пред-

сказуемое следствие воспроизводства интериоризированных норм и ценностей советского общества, а не влияния научного дискурса.

Вторую часть книги открывает статья «Скромное обаяние расизма». Здесь В. Малахов размышляет о том, что есть расизм и как он проявляется в политическом дискурсе и политических практиках. «Расизм, — говорит автор, — это интерпретация различий (социальных, культурных, политико-экономических) в качестве естественных, которая служит закреплению связи между Различием и Господством». Основой воспроизводства расистских практик является страх смешения, свойственный многим людям, из-за уверенности, что различия не снимаемы в принципе. Расизм, будучи связанным с поиском идеального — сверхнационального — сообщества, преодолевает, упраздняет государственно-политические и этнические границы (с. 83).

Как утверждает автор, многое говорит в пользу того, что наступивший век будет определяться не национализмом, а расизмом в сублимированной форме. Аргументом в пользу этого тезиса служит популярное сегодня утверждение о размывании границ национальных государств и ослаблении национальных лояльностей. Поэтому в мире появляются новые лояльности, которые формируют новые идентичности. Расизм отвечает той же фундаментальной потребности, что и национализм, — потребности в коллективной солидарности. Но группа, к которой расизм позволяет ощутить свою принадлежность — это гораздо более всеобъемлющее, чем нация. В России в результате советской противоречивой политики нация стала восприниматься как кровное объединение, а не сообщество граждан, наделенных равными правами. Автор резюмирует, что неизжитый этноцентристский расизм вступает в современной России в союз с расизмом сублимированным, оперирующим культурцентристскими категориями (с. 84–85).

При прочтении второго раздела также возникает ряд сомнений. Во-первых, под определение расизма, которое выдвигает автор, можно подвести почти все практики и уровни социального исключения. Расизмом здесь можно назвать национализм, этноцентризм, сексизм, собственно биологический расизм и многое другое. Поэтому возникает вопрос об аналитической ценности такого определения. Аналитическая ценность понятия определяется тем, насколько оно ясно и недвусмысленно описывает социальные явления. Если концепт используется для обозначения широкого круга практик, то он теряет свою объяснительную ценность. В данном случае наблюдается обесценивание понятия «расизм», которое изначально, как указывает и сам автор, использовалось для обозначения идеологической доктрины, которая легитимировала дискриминационные практики на основании утверждения разделения человечества на «расы». Если все дифференцирующие практики — расизм, тогда что мы не можем назвать расизмом?

Во-вторых, рассуждая о политкорректности в российских СМИ, автор опять возвращается к пятому пункту советского паспорта как источнику формирования биологического или кровнородственного понимания нации в стране. Почти во всех статьях автор оценивает следствия советской национальной политики — этноцентристский расизм — только как фактор дестабилизации современного российского общества. Такая исключительно негативная оценка советских практик признания прав этнических групп пред-

ставляется односторонней. Исторический контекст формирования советского государства в значительной степени предопределил и систему разделения властей в нем. С одной стороны, политика институционализации этноса, связанная не только с образованием национальных республик, но и таким понятием, как «положительная дискриминация «коренных» народов», максимально мобилизовала этничность. С другой стороны, благодаря именно такой политике в отношении национальных окраин стало возможным относительное социально-экономическое выравнивание регионов (с. 91–105).

В-третьих, автор предлагает отказаться от советского наследия и переходить к пониманию нации как сообщества граждан. Предложенное решение проблемы этноцентризма, расизма и национализма выглядит как вполне реализуемое только в теории. Потому что сам автор говорит о фундаментальной, то есть неистребимой потребности человека в соотношении себя с группой, которая формируется в противопоставлении «Я» — «Другой», «Мы» — «Они». Причем, это противопоставление в повседневных практиках осмысливается всегда как объективное. К тому же автор не приводит в пример ни одного реально существующего государства, где все эти проблемы были успешно решены именно таким способом. Судя по всему содержанию книги, вообще не существует в мире полиэтнических государств, которые не страдают от всех перечисленных «болезней» дискриминации.

В-четвертых, автор абсолютизирует влияние «публичного» дискурса на «повседневный». По прочтении статьи складывается впечатление, что практики дискриминации по всем вышеуказанным признакам изживут сами себя, если ученые, политики и журналисты откажутся от реификации и проблематизируют практики расизма в общественных дискуссиях. Два этих дискурса отделить друг от друга можно только аналитически, поэтому здесь необходимо говорить о взаимовлиянии, а не об одностороннем насаживании идеологических и категориальных схем в массах. Ведь сознание индивида воспринимает информацию через призму жизненного опыта и не является *tabula rasa*.

Третья часть посвящена обсуждению дискурса мультикультурализма и его последствия для общества. В данном разделе я считаю нужным рассмотреть две статьи: «Мультикультурализм и идеология инакости» и «Демократический плюрализм и дискурс мультикультурализма».

В этих эссе автор рассуждает о смене господствующей интеллектуальной парадигмы во второй половине XX в. на волне борьбы с дискриминацией и критики европоцентризма. На основе работ К. Леви-Стросса и его единомышленников происходит переосмысление формирования «разума». «Разум» не может существовать без «Другого», как считалось раньше. «Я» познается через «Другого» / «Иного». Вследствие этого приходит конец этноцентризму западного мышления. «Инакость» и «различие» становятся центральными понятиями феминизма и мультикультурализма, которые начинают определять правила «публичного» дискурса. И выглядело все как победа демократических ценностей и прав человека (с. 148–150). Проект мультикультурализма был выдвинут как отказ от политики культурной гомогенизации той части населения, которая в XX в. мигрировала в Европу из бывших колоний и не только. Провозглашая идеологию уважения к «ина-

кости», политики рассчитывали на снижение конфликтов в обществе, но на практике вышло все с точностью до наоборот.

Автор замечает, что консерваторы все же нашли способ выражать свои взгляды, не прибегая к «запрещенной» риторике. Если раньше они считали свою культуру единственно цивилизованной и верной, то теперь они охраняют её аутентичность от посягательства «Другого». Первоначальная идея проекта «мультикультурализма» стала превращаться в свою противоположность, вызывая сегрегацию общества по культурным признакам. Ловушка мультикультурализма заключается в уже обсуждавшемся процессе реификации различий, когда этническая принадлежность рассматривается как биологическая и культурная данность. Именно это обстоятельство способствовало процессу подмены социальных проблем интеграции конфликтом культур, другими словами — морализации социально-структурных феноменов (с. 150–152).

Поэтому В. Малахов считает, что введение дискурса мультикультурализма в России не отвечает задачам формирования общества культурного плюрализма. По сути, этот дискурс культурализирует социальное. Мультикультуралисты рассматривают взаимодействия иммигрантов и местных жителей как этнические или культурные. Однако такое положение дел выгодно и этническим предпринимателям, которые выступают от лица этнических меньшинств. Дискурс различия влечет за собой соответствующую политическую практику, которая способствует изоляции мигрантов в рамках этнических сетей (с. 154–155).

В итоге автор приходит к выводу, что между мультикультурализмом и национальной политикой советских коммунистов существует немало схожих черт. Точнее, одна и самая главная — натуралистическое понимание этничности, которое обуславливает характер социальных практик (с. 159).

Автор справедливо отмечает, что в мультикультуралистском дискурсе многие социальные проблемы маскируются под конфликты культур, под которыми часто подразумевают этничность, религию и т.п. Однако назвать это характеристикой только мультикультурализма сложно. Если исходить из авторской концепции, все социальные практики, связанные с материализацией, ведут к подмене социального культурным. Под социальным автор, видимо, понимает структурные различия, а под культурой стилевые проявления.

Также стоит отметить, что в последней части книги наблюдается некоторая эволюция взглядов автора на степень культурной гомогенности постсоветского пространства. Если в первой части очерков, посвященных национализму, ученый утверждает, что «“Народ”... представляет собой во вчерашних советских республиках столь гетерогенное в культурном и этническом отношении образование...» (с. 23), то в последней он настаивает, что представления об инаковости бывших «советских людей» слишком преувеличены (с. 155).

Критикуя осуществление проекта мультикультурализма, В. Малахов не предлагает альтернативного варианта проведения культурной политики в полиэтничном обществе. Хотя альтернатива, конечно же, есть — это культурная гомогенизация, но и она не адекватна решаемой проблеме, так как, с точки зрения автора, тоже является проявлением расизма. Тогда что — не расизм, и истребим ли он вообще, если говорить о повседневности?

Центральным понятием концепции В. Малахова можно назвать понятие «расизма». В его интерпретации это понятие относится к любому высказыванию, которое предполагает, что человеческий род состоит из естественно образованных групп, с целью легитимации социального неравенства. Как отмечают Р. Майлз и М. Браун, такое понимание расизма относится больше к функции дискурсов, чем к их содержанию. Такое определение фокусируется не на особом идеологическом содержании, а на цели или следствии любого детерминистского взгляда на различие между группами и индивидами. Хотя это расширяет определение, включая в него любое детерминистское приписывание тех или иных свойств группе, идентифицируемой вследствие этого приписывания как биологически и культурно иная, с целью объяснения структурного неравенства. Но одновременно это определение и сужает, превращая его в функционалистское, исключающее чисто дескриптивные заявления, если они не содержат намерения объяснить социальные конфликты и напряжения (Майлз, Браун 2008: 105).

Автор перечисляет основные причины обращения к расизму со стороны разных групп следующим образом: с целью легитимации политического режима в условиях кризиса в случае политических элит (с. 23), с целью извлечения выгод в случае этнического предпринимательства (с. 158), с целью упрощения решения социальных проблем посредством подмены их понятием культурного конфликта в случае бюрократии (с. 155). Существование понятия различий в научном и политическом дискурсах объясняется с точки зрения достижения каких-либо практических целей. То есть автор отсылает нас к утверждению инструменталистских теорий, что действия акторов детерминированы положением в социальной структуре (например, класс) (Брубейкер, Купер 2002: 74).

Несмотря на вышеперечисленные критические замечания, необходимо отметить, что само появление в российском научном поле работы, поднимающей проблемы национализма, расизма и мультикультурализма в новом ключе, уже представляется значительным. Новая постановка вопроса привносит в российскую науку новую дискуссию и альтернативу эссенциалистскому дискурсу. Но все поставленные автором вопросы требуют эмпирического исследования, так как концепции, претендующие на объяснение социальных феноменов, требуют развернутых эмпирических доказательств их аналитической ценности.

Литература

Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект-Пресс, 1997.

Майлз Р., Браун М. Расизм / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

Martin T. The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 91–105.